

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ШОКШАНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА (на материале шокшанских говоров Теньгушевского района)

Г. А. НАТУРАЛЬНОВА,

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории «Финно-угристика»
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Заимствования из русского языка, закрепившиеся в лексике эрзянского и мокшанского языков, а также их диалектов в результате многовекового непрерывного русско-мордовского общения, не раз становились предметом анализа исследователей Д. В. Бубриха [1; 2], Т. А. Исаевой [6], Г. И. Ермушкина [3], Д. В. Цыганкина [11], Т. М. Шеяновой [12], О. Е. Полякова [8] и др. Необходимость исследования заимствований продиктована тем, что они являются важным источником для исторического изучения мордовских языков, так как могут отражать древние звуковые особенности языка. «Заимствования, закрепившиеся в языке, приспособляются к грамматическому строю и звуковым особенностям воспринявшего их языка. Иногда меняется и первоначальное значение заимствованного слова. Многие из них органически входят в систему языка, приобретая все формы, характерные для коренных мордовских слов», – отмечает Д. В. Цыганкин [11, 180]. Изучение русских заимствований в лексике мордовских говоров важно потому, что в них могут сохраниться многие языковые явления, утратившиеся в настоящее время и отражающие динамику развития прамордовского языка-основы.

Шокшанский диалект Теньгушевского района, относящийся к эрзянским диалек-

там пятого типа [4, 10], долгое время развивался в окружении русских народных говоров. По этой причине в его словарном составе можно обнаружить много заимствованных лексем из русского языка, в оригинале или с некоторыми фонетическими, словообразовательными, морфологическими изменениями и часто со сдвигами в семантике вошедших в словарный состав шокшанского диалекта и ставших его неотъемлемой частью. Данные лексемы отражают процесс длительного экономического, культурного и бытового общения русского населения и мордвы-шокши.

Шокшанский диалект, активно взаимодействуя с русскими народными говорами, заимствовал много слов из русского языка, которые, приспособившись к его фонетической системе, получили новое звучание. Следует отметить, что большая часть русизмов адаптируется в шокшанском диалекте так же, как и в эрзянском языке. Это можно объяснить тем, что процесс заимствования общих слов происходил в далеком прошлом, до отрыва шокшанского диалекта от эрзянского языка, либо в пору самостоятельного развития шокшанский диалект развивался по языковым законам, заложенными в прамордовском языке-основе. Другая часть заимствований имеет отдельные звуковые отличия от русских заимствований эрзянского языка, продиктованные спецификой

фонетической организации шокшанской речи.

Из фонетических изменений, наиболее регулярно встречающихся при заимствовании русских слов, можно назвать следующие.

1. В области гласных звуков:

1.1. Конечная гласная фонема [o] независимо от того, падает на нее ударение или она является безударной (редуцированной), передается в шокшанском диалекте гласным звуком [a] (чаще – под ударением). Это явление характерно и для эрзянского языка: р. зерно – ш. [з’орна]; р. стадо – ш. [стада]; р. золото – ш. [золота]; р. диво – ш. [д’ива]; р. болото – ш. [болота]; р. число – ш. [числа]; р. стекло – ш. [ст’окла]; р. крыло – ш. [крыла]; р. колесо – ш. [кол’иса].

Появление конечного гласного звука [a] можно объяснить фонетической закономерностью конца слов финно-угорского языка основы, в котором за пределами первого слога встречались три нелабиализованных звука: *a, ä, e* [7, 159], но не *o*. А. А. Шахматов определяет в конечном звуке [a] шокшанского диалекта гласный неполного образования, заменившийся в большинстве эрзянских диалектов гласным полного образования [o] [4, 25]. Ср.: э. ловсо – ш. лофса «молоко», э. нолго – ш. нолга «сопля», э. суро – ш. сюра «рог», э. кудо – ш. куда «дом».

1.2. Гласный [o] в первом или во втором слоге и конечный безударный [a] чаще всего не редуцируются: р. болото [балотъ] – ш. [болота]; р. покой [пакой] – ш. [покой]; р. потолок [пъталок] – ш. [потолок]; р. порядок [пар’адък] – ш. [пор’атка] «улица»; р. посуда [пасудъ] – ш. [посуда]; р. погода [пагодъ] – ш. [погода]; р. сторона [стърана] – ш. [сторона] «чужбина»; р. пожар [пажар] – ш. [пожар]; р. роса [раса] – ш. [роса]; р. похмелье [пахм’ел’ий] – ш. [похм’ел’ийа]; р. поленица [пал’ен’н’иць] – ш. [пол’ин’т’а]; р. охотник [ахот’н’ик] – ш. [охот’н’ик]; р. плотина [плат’инъ] – ш. [плот’ина]; р. горбун [гарбун] – ш. [горбун]; р. полоса [пъласа] – ш. [полоса].

Данное явление можно объяснить тем, что в словах шокшанского диалекта, так же

как и в эрзянском языке, в аналогичном положении гласный [o] произносится отчетливо, не редуцируется, например: ш. ломань «человек», лофса «молоко», лонудимс «вымокнуть». Данную причину, способствующую утверждению окающего русского произношения применительно к эрзянскому языку, Т. А. Исаева считает основной [6, 8].

Д. В. Бубрих в статье «Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточным славянством» указывает на то, что русские заимствования проникли в эрзянский язык в окающей форме (*бояр, родня* и т. п.), а в мокшанский – в акающей (*баяр, радня* и т. п.). «Очевидно, – пишет он далее, – в одном случае приходится считаться с окающими русскими диалектами, а в другом – с акающими» [2, 8].

В некоторых заимствованных из русского языка словах вместо ударного гласного звука [a] или предударного звука [a], среднего между [a] и [o] (в орфографии – а), произносится [o]: р. разный [разный] – ш. [розный]; р. работа [работъ] – ш. [робота]; р. стакан [стакан] – ш. [стокан]; р. баран [баран] – ш. [боран]; р. скамья [скам’йа] – ш. [ском’йа]; р. скамейка [скам’ейкъ] – ш. [ском’ейка]; р. заря [зар’а] – ш. [зор’а].

Интересно, что в данных словах употребляется этимологически правильное *o*, тогда как в современном русском литературном языке употребляется (и пишется) гласный *a*. Сравним данные «Этимологического словаря русского языка» под редакцией М. Фасмера: разный – ц.слав. форма вместо розный, ср. рознь, порознь [10, 434]; работа – диал. робота, др.р. робота [10, 427]; стакан – с.в.р. стокан, др.р. достокань [10, 743]; баран – стар. Также боран [9, 123]. Поэтому современное звучание рассматриваемых слов можно объяснить влиянием старых русских (севернорусских) заимствований, вошедших в лексику шокшанского диалекта в данной форме. Севернорусским говорам хорошо известно явление сохранения этимологического *o*. По мнению Д. В. Бубриха, русские заимствования в эрзянской речи «носят печать великорусского проис-

хождения: в них отражаются северновеликорусское оканье и другие северновеликорусские явления» [1, 1].

В русизмах более позднего периода гласные в предупредных слогах изменяются, они близки по звучанию русским редуцированным гласным звукам: р. магазин [мъгаз'ин] – ш. [мыгаз'ин]; р. война [вайна] – ш. [вайна]; р. больница [бал'н'ицъ] – ш. [бал'ин'т'а]; р. самолёт [съмал'от] – ш. [сымал'от]; р. котлета [катл'етъ] – ш. [катл'ет]; р. колбаса [кълбаса] – ш. [калбас]; р. солдат [салдат] – ш. [салдат]; р. ботинок [бат'инък] – ш. [бат'инка].

1.3. Отчетливо проявляется тенденция перемещения русского ударения на последний или, реже, предпоследний слог. Это отличает шокшанский диалект от эрзянского языка, в котором ударение смещается на первый слог, ср.: ведро́ > э. ве́дра, зерно́ > э. зёрна, молото́к > э. мо́лотка [11, 185; 12, 19]. Чаще переход ударения происходит без редукции гласных предупредных слогов: р. шко́ла [шко́ль] – ш. [шко́ла]; р. ла́вка [ла́фкъ] – ш. [ла́вка]; р. стадо́ [стадъ] – ш. [стада]; р. со́да [со́дъ] – ш. [сода]; р. коре́нь [кор'ьн'] – ш. [кор'ин]; р. крестни́к [кр'ес'н'ик] – ш. [кр'ес'н'ик]; р. ска́терть [ска́т'ьрт'] – ш. [ска́тыр']; р. свите́р [св'и́тър] – ш. [св'и́тыр]; р. тра́ктор [тра́ктър] – ш. [тра́ктыр]; р. кренде́ль [кр'ен'д'ьл'] – ш. [кл'енды́р]; р. пенсия́ [п'ен'с'ийъ] – ш. [п'ен'с'ийа]; р. пла́тье [плат'ьй] – ш. [плат'ийа]. Но: р. просты́ня [пръсты́н'а] – ш. [просто́йна]; р. колесо́ [къл'иесо] – ш. [кол'иса]. В собственно шокшанских словах в отличие от слов эрзянского и мокшанского языков ударение падает чаще на последний слог: э. ло́всо – ш. ло́фса «молоко»; э. мо́лемс – ш. мо́лимс «идти»; э. со́вамс – ш. сува́мс «зайти».

2. В области согласных наблюдается больше фонетических изменений, актуальных в диалекте как в прошлом, так и в современном его состоянии.

2.1. Твердый [ц] в заимствованных словах шокшанского диалекта заменяется на [т'], чаще в конце слова (в суффиксах): р. церковь – ш. [т'ер'кóв]; р. улица –

ш. [ул'ин'т'а]; р. больница – ш. [бал'ин'т'а]; р. кузница – ш. [куз'н'ит'а]; р. мельница – ш. [м'ел'ин'т'а]; р. поленница – ш. [пол'ин'т'а]; р. Троица – ш. [Троит'а].

В некоторых заимствованиях из русского языка [ц] перешел в [с]: р. пятница – ш. [п'ен'с'а]; р. пьяница – ш. [п'йан'с'а]; р. станция – ш. [стан'с'а]; р. Троица – ш. [Тройс'а] (в говоре с. Стандрово).

Рассматриваемые фонетические изменения возможны, так как аффриката [ц] – это сложный фрикативно-взрывной звук, сочетание звуков [т] и [с]. Поэтому в одних словах фонема <ц> реализуется в звуке [т], в других – [с].

Русский твердый [ц] в эрзянском языке заменялся мягким [ц']: *церькова, ульця, больница, кузница*. В шокшанском диалекте встретилось только одно слово с [ц']: р. кольцо – ш. [кол'ц'а].

Следует сказать, что в настоящее время в шокшанском диалекте русские слова заимствуются с [ц]. Например: р. цилиндр – ш. [цыл'индра]; р. цикл – ш. [цыкла]; р. цистерна – ш. [цыстэрна]; р. цирк – ш. [цырк]; р. циркуль – ш. [цыркуль].

2.2. Во многих заимствованиях (чаще в ранних) в шокшанском диалекте, как и в эрзянском языке, вместо русского всегда мягкого звука [ч] произносится [ц']: р. бочка – э. *боцька*, ш. [боц'ка]; р. кочерга – э. *коцькерган*, ш. [коц'к'ир'ган]; р. кучка – э. *куця*, ш. [куц'ка]; р. кирпич – э. *кирьпець*, ш. [к'ирп'ец']; р. внучка – э. *нуцька*, ш. [нуц'ка]; р. блинчик – ш. [бл'инца] / [бл'инса]. Причиной такого фонетического освоения большого количества заимствований могло явиться то, что в мордовских языках, как и в шокшанском диалекте, аффриката [ч] только твердая, поэтому русский мягкий звук [ч] заменялся на сходный по месту и способу образования звук [ц']. По другой версии, русские слова проникли из соседствующих с мордвой русских говоров, где звуки [ч] и [ц'] не различались, реализуясь в виде мягкого [ц'] [11, 187; 12, 19].

В большинстве слов шокшанского диалекта [ч] в русских заимствованиях заменялся на [т'], реже на [с]. Здесь, видимо, произошел переход: [ч] > [ц'] > [т'] /

[с]. Ср.: р. чулан – ш. [т'улан] (ср. э. *чулан*); р. чулок – ш. [т'улка] (ср. э. *чулка*); р. куча – ш. [кут'а] (ср. э. *куця*); р. печёный – ш. [п'ет'онкат] «печёный картофель»; р. калач – ш. [калат'а]; р. четверг – ш. [т'ет'в'ер']; р. Починки (название деревни) – ш. [Пот'инка]; р. блинчик – ш. [бл'инса].

Рассматриваемое изменение звуков типично и для собственно шокшанских слов. Эрзянскому звуку [ц'] соответствует шокшанский [т']. Ср.: э. *цёра* – ш. [т'ора]; э. *паця* – ш. [пат'а], э. *пеняцямс* – ш. [п'ен'ет'амс].

Реже наблюдается переход [ч] в [к] (в абсолютном конце слова): р. паралич – ш. [прал'ик]; р. щёлочь – ш. [шчолк].

Наряду с рассмотренными фонетическими изменениями в современном шокшанском диалекте встречаются заимствования, в которых [ч] не изменяется, что можно объяснить активным русско-шокшанским языковым общением: р. чугун – ш. [чугун]; р. число – ш. [числа]; р. чай – ш. [чай]; р. численник – ш. [числ'ин'ик]; р. час – ш. [час].

Некоторые шокшанские говоры Теньгушевского района, например говоры сел Сакаева, Стандрова, переняли из русских народных говоров мягкое произношение аффрикаты [ч], которое распространилось и на собственно шокшанские слова: [ч'ийер'] «мышь», [ч'ийимс] «бежать».

2.3. Русская мягкая долгая фонема <ш'> в шокшанском диалекте, как и во многих эрзянских говорах, передается звуко сочетаниями [шт'], [шч] (в говоре с. Шокша) или звуками [ч] и [ш]. Например: р. щука – ш. [шчука]; р. щепка – ш. [чепка]; р. щетина – ш. [шечина]; р. счастливый – ш. [часливый].

В настоящее время в речи среднего и молодого поколений [шч] передается в виде долгого мягкого [ш'].

2.4. Губно-зубной [в] опускался:

а) перед лабиализованными гласными [о], [у] в начале слова: р. воля – ш. [ол'а]; р. ворожить – ш. [оржийамс]; р. воронка – ш. [оромка]; р. вор – ш. [ор]; р. вовсе – ш. [ойс'е]; р. ворох – ш. [орух]; р. вожжи – ш. ождят;

б) перед согласными в начале слова во избежание стечения согласных звуков: р. внучка – ш. [нуц'ка]; р. вдруг – ш. [друк] «вместе»; р. время – ш. [р'ема]; р. всётаки – ш. [с'о-тък'и]; р. всякий – ш. [с'акуй].

Данная особенность фонетического освоения также исходит из специфики звуковой организации шокшанской речи. В середине слова в сочетаниях *-ово-, -аво-, -ов-, -во-* и др. звук [в] не произносится: р. жаровня – ш. [жарун'а]; р. двойня – ш. [дойн'а]; р. двойняшка – ш. [дойн'ашка]. В некоторых словах сочетание *-во-* переходит в полугласный [ў], средний между [в] и [у]: р. вдоволь – ш. [доўл']; р. новость – ш. [ноўс'т']. Следует сказать, что такое изменение отличает шокшанский диалект от эрзянского литературного языка, где сочетания с [в] произносятся четко. Ср.: э. *каволямс* – ш. [каўл'амс] «жевать»; э. *новолемс* – ш. [ноўл'имс] «опуститься»; э. *суволемс* – ш. [суўл'амс] «ковырять»; э. *пувордамс* – ш. [пуўрд'амс] «повернуть»; э. *свордамс* – ш. [с'уўрд'амс] «сжать».

Иногда в заимствованных словах на месте звука [в] встречается звук [с]: р. вновь – ш. [снох]; р. вкус – ш. [скус]. В первом случае переход [в] > [с] можно объяснить дистактной регрессивной ассимиляцией по признаку огубленности, во втором – дистактной регрессивной ассимиляцией по месту образования (губной звук [в] под влиянием переднеязычного [с] уподобился последнему).

2.5. Для мордовских языков несвойственно оглушение конечных звонких согласных звуков, поэтому глухие согласные в конце русских слов в эрзянском языке трансформируются в звонкие: э. *плу[г]* – р. плу[к], э. *кру[г]* – р. кру[к]. Этот процесс наблюдается и в шокшанском диалекте: р. сад [сат] – ш. [сад], р. мазь [мас'] – ш. [маз'].

По аналогии подвергаются озвончению и русизмы, оканчивающиеся на глухой согласный звук. Ср.: р. тёс – ш. [т'оз], р. лист – ш. [л'из], р. крест – ш. [кр'оз], р. рост – ш. [роз] «росток»; р. омут – ш. [омуд] «множество». Это произошло в результате контактной (регрессивной) ассимиляции в сочетании данных слов со

словами, начинающимися на звонкий согласный звук. Ср.: [с'орма́думс л'из на́қс] «написать на листе», [ст] → [з]; [путумс т'оз на́қс] «положить на тёс», [с] → [з]. Впоследствии данные слова, употребляясь одиночно, приобрели звонкое произношение.

В настоящее время в шокшанском диалекте можно встретить двойное произношение: со звонким [маз'] и глухим [мас'] согласным на конце.

В некоторых заимствованных словах в результате прогрессивной ассимиляции (под воздействием конца предыдущего слова, оканчивающегося на звонкий согласный) происходит озвончение начального глухого согласного:

[х] → [г]: р. хамса – ш. [гамза́] (с → з);

[к] → [г]: р. кружева – ш. [гружуват];

[ш] → [ж]: р. шар – ш. [жар] «мяч».

2.6. В системе согласных шокшанского диалекта, как и в эрзянском языке, отсутствует фонема <ф>. В словах, заимствованных из русского языка, вместо нее произносится [х], реже – [к] и [п], либо она вообще опускается:

[х]: р. фамилия – ш. [хам'йл'ийа]; р. фартук – ш. [хартук]; р. ферма – ш. [х'ерма]; р. Фёкла – ш. [Х'екла]; р. Федот – ш. [Х'едот]; р. Федора – ш. [Х'едора]; р. Ефрем – ш. [Охр'ем]; р. торф – ш. [торх]; р. фляга – ш. [хл'ага]; р. портфель – ш. [порх'ил']; р. туфля – ш. [тухл'а];

[к]: р. фуфайка – ш. [кухайка]; р. Февронья – ш. [Кавра́]; р. Фрол – ш. [Крола́];

[п]: р. шкаф – ш. [шкап];

[]: р. просфора – ш. [прас'ира].

2.7. В более ранних заимствованиях заднеязычный звук [х] заменился близким по месту образования звуком [к]: р. хохол – ш. [кокляк]; р. хромой, хромать – ш. [крамой], [крамойд'амс] «хромать»; р. соха – ш. [сока]; р. хрен – ш. [кр'он]; р. хозяйка – ш. [коз'ейка]; р. хмель – ш. [комл'а]; р. Христос – ш. [Кр'истос], [крисозчаума] «шиповник».

2.8. Русский звук [ж] в некоторых словах перешел в [з]: р. грыжа – ш. [грыза]; р. жабы – ш. [з'ебр'ет']. Такое фонетическое освоение могло произойти вследствие того, что звуки [ж] и [з] одинаковые

по способу (фрикативные) и месту (по активному органу – переднеязычные) образования.

2.9. В мордовских языках нет мягких парных согласных фонем <б>, <в>, <п>, <м>, <ф> и др., поэтому в заимствованных словах они теряют палатализацию: р. церковь – ш. [т'ер'ков]; р. морковь – ш. [м'ер'ков]; р. озимь – ш. [оз'им]; р. насыпь – ш. [насып]; р. цепь – ш. [цеп].

В отдельных случаях депалатализация наблюдается и в сфере конечных парных по мягкости-твёрдости согласных, чаще сонорных: р. студень – ш. [студ'ин]; р. корень – ш. [кор'ин]; р. крендель – ш. [кл'ендур]; р. площадь – ш. [пло'ш'ин]; р. трутень – ш. [трут'ин] (в говоре с. Сакаево).

Кроме рассмотренных фонетических изменений отдельных звуков в русизмах произошли и другие фонетические явления, в процессе которых они получили новое звучание, а их строение максимально приблизилось к строению шокшанского слова. К таким фонетическим процессам относятся следующие.

1. Вставка звуков:

1.1. Добавление конечного гласного [а] к словам, оканчивающимся в русском языке на согласный: р. бык – ш. [бука]; р. мак – ш. [мака]; р. ус – ш. [уса]; р. гриб – ш. [гр'иба]; р. сосед – ш. [сус'еда]; р. сухарь – ш. [сухар'а]; р. йод – ш. [йода]. Здесь слоговая структура заимствований приспосабливается к строению шокшанского слова: в финно-угорском языке-основе слова были двусложными и оканчивались на гласный.

Для шокшанского диалекта несвойственны конечные слоги типа -сок, -лок, -док, -нок, т. е. слоги, где были бы переднеязычные с последующим гласным заднего ряда и согласными заднеязычного образования. В таких русизмах гласный между согласными выпадает и в конце слова появляется гласный [а], образуются характерные для шокшанского диалекта сочетания согласных в середине слова: р. молоток – ш. [молотка]; р. чулок – ш. [т'улка]; р. ботинок – ш. [бат'инка]; р. порядок – ш. [пор'атка] «улица»; р. жаворонок – ш. [жавр'онка]; р. Починок (название деревни) – ш. [Пот'инка].

Несвойственным для конца слова в шокшанском диалекте, как и в эрзянском языке, являются сочетания согласных [11, 190]. Поэтому в заимствованиях данные сочетания устраняются за счет введения гласного: р. жердь – ш. [жерд'а́]; р. нерв – ш. [н'ерва́]; р. центр – ш. [центра́]; р. октябрь – ш. [окт'абр'а́]; р. ноябрь – ш. [нойабр'а́].

1.2. Вставка гласного в начале слова (протеза): р. спички [сп'ичк'и] – ш. [исп'ич'каг]; р. жалеть [жыг'л'эг'] – ш. [эжэл'амс / ужел'амс]; р. жаль [жал'] – ш. [ужэл']; р. вторник [фторн'ик] – ш. [офторн'ик]; р. Спас [Спас] (название религиозного праздника) – ш. [Испас].

1.3. Вставка гласного в середине слова: р. свадьба [свад'бъ] – ш. [сувад'ба]; р. среда [ср'и'да] – ш. [с'ер'ада]; р. книга [кн'и'гъ] – ш. [к'ин'ишка]; р. вихрь [в'ихр'] – ш. [в'их'ир']; р. платье [плат'йь] – ш. [плат'ийа]; р. печень [п'и'ч'ен'йь] – ш. [п'ечен'ийа]; р. варенье [вар'ен'йь] – ш. [вар'ен'ийа]; р. корм [корм] – ш. [корум]; р. комбикорм [к'ымб'икорм] – ш. [к'ымб'икорум]; р. зря – ш. [зыр'а].

Вставка гласных в начале и в середине слова в анализируемых русизмах объясняется фонетической закономерностью, унаследованной мордовскими языками из финно-угорского языка-основы, не допускающей стечения согласных [12, 20].

Перестановка гласных и согласных звуков в следующих словах так же устраняет сочетания согласных в середине слова: р. завтрак [зафт'ркъ] – ш. [зафт'ыр'к]; р. мельница [м'ел'н'ицъ] – ш. [м'ел'ин'т'а]; р. больница [бал'н'ицъ] – ш. [бал'ин'т'а]; р. горница [горн'ицъ] – ш. [гор'ин'т'а].

2. Выпадение звуков:

2.1. Выпадение гласного звука в конце слова: р. колёта [катл'эгъ] – ш. [катл'эгт]; р. колбаса [кълбаса] – ш. [калбас]; р. крыльцо [крыл'цо] – ш. [крыл'ец']; р. газета [газ'эгъ] – ш. [газ'эгт]; р. кукуруза [кукурузъ] – ш. [кукурус]; р. минута [м'инуть] – ш. [м'инут]; р. кастрюля [кастр'ул'ь] – ш. [кастр'ул']; р. обезьяна [аб'и'з'йанъ] – ш. [аб'из'йан]; р. олифа [ал'ифъ] – ш. [ал'иф].

Данный фонетический процесс отражает упрощение русских слов, стремление к сокращению звуков и слогов, так как слова прафинно-угорского языка состояли из двух слогов (реже – одного слога в местоименных словах и отрицательных глаголах).

2.2. Выпадение гласного звука в середине слова: р. коленкóр [къл'и'енкóр] – ш. [кл'апкор]; р. суббóта [суббóтъ] – ш. [супта́]; р. паралич [пърал'ич] – ш. [прал'ик]; р. помелó [пъм'и'елó] – ш. [помла́]; р. караул [къраул] – ш. [краул]; р. табуретка [търбур'еткъ] – ш. [тубр'етка]; р. конюшня [кан'ушн'ь] – ш. [кан'шн'а́]; р. голенище [гъл'и'ен'иш'ш'ь] – ш. [гл'ен'ш'ш'а́]; р. карандаш [кърандаш] – ш. [крандаш]; р. караулить [къраул'ит'] – ш. [краул'амс]; р. животное [животн'йь] – ш. [жватна́]; р. капуста [капустъ] – ш. [капста́]; р. жаворонок [жавърънък] – ш. [жавр'онка].

Мордва-шокша при усвоении русских слов с нетипичной слоговой структурой меняет их звуковой состав в соответствии с привычными звуко сочетаниями слогов.

2.3. Выпадение согласных в конце слова устраняет стечение согласных: р. скатерть [скат'ьрт'] – ш. [скатыр']; р. дёрн [д'орн] – ш. [д'ор]; р. лист [л'ист] – ш. [л'из]; р. рост [рост] – ш. [роз] «росток».

2.4. Выпадение целого слога (или сочетания звуков) упрощает слоговую структуру заимствованного слова: р. проволока [провълкъ] – ш. [пролук]; р. целиком [цъл'иком] – ш. [целом]; р. чечевича [ч'ьч'и'в'ицъ] – ш. [чийца].

2.5. Стечение гласных в середине слова (чаще [иа], [ио]) в русских словах, как и в эрзянском языке [12, 21], устранялось стяжением их в один звук [а]: р. милиционер – ш. [м'ил'ицан'эр]; р. библиотека – ш. [б'ибл'ат'ека].

3. Метатеза (перестановка звуков или слогов): р. шоссе [шассэ] – ш. [саша́]; р. крендель – ш. [клендур], [кл'ендыр'].

4. Прогрессивная ассимиляция гласных (уподобление последующего звука предшествующему). Данный фонетический процесс вытекает из специфики шокшанского диалекта, для которого характерно укanye.

Известно, что в глубокой древности во всех эрзянских говорах на месте современных [о] и [э] в первом слове были соответственно [у] и [и]/[ы] [4, 49; 11, 182]. Шокшанский диалект сохранил эту особенность.

Если в первом слове русского слова находится гласный [у], то и в последующем слове встречается этот же гласный: р. кружева – ш. [г^руж^уват]; р. бутылка – ш. [бу^тул^ка]; р. бутыл – ш. [бу^тул]; р. пупырка – ш. [пу^пур^ка]; р. сушилы – ш. [су^шу^ла]; р. пустышка – ш. [пу^{ст}у^шк^а]; р. чучело – ш. [чу^чу^л]; р. тумбочка – ш. [ту^мбу^чк^а]; р. угол – ш. [уг^ул].

Встретился один случай регрессивной ассимиляции гласного [у]: р. изюм – ш. [уз'ум].

Гласный [у] может употребляться в первом слове вместо гласного звука [о], при этом происходит сужение губного гласного: р. порог – ш. [пору^ф]; р. проволока – ш. [про^лук]; р. радость – ш. [рад^ус'т'].

В шокшанском диалекте как в укающе-икающем типе данное явление носит постоянный характер: ср. э. *vasolo* – ш. *vasula* «далеко», э. *mastor* – ш. *mastur* «пол», э. *sazor* – ш. *sazur* «сестра», э. *aygor* – ш. *aygur* «жеребец» и т. д.

5. Диссимиляция (расподобление одинаковых или близких по звучанию звуков):

- р. про[п]ка – ш. [кропка], [п] → [к];
- р. рекрут – ш. [н'екрут], [р'] → [н'];
- р. ярмарка – ш. [йармунка], [р] → [н].

В рассматриваемых словах наблюдается дистактная диссимиляция по месту образования.

6. Шокшанскому диалекту, как и эрзянскому языку, несвойственно сочетание звуков [йэ] (в орфографии *e*) в начале слова, поэтому русские имена и названия населенных пунктов передаются с помощью гласных без [й]: р. Елена – ш. *Илин*, р. Ермашь (название насел. пункта) – ш. *Эрмуша*, р. Ефрем – ш. *Охрем*.

7. Для шокшанского диалекта, как и для эрзянского языка, характерны аккомодации – приспособления, возникающие между стоящими рядом гласными и согласными, в результате которых экскурсия последующего звука приспособливается к рекурсии предыдущего (прогрессивная аккомодация) и, наоборот, рекурсия предыдущего звука приспособливается к экскурсии последующего (регрессивная ассимиляция).

И, наоборот, рекурсия предыдущего звука приспособливается к экскурсии последующего (регрессивная ассимиляция).

Шокшанскому диалекту свойственна прогрессивная аккомодация: под воздействием мягкого согласного последующий гласный непереднего ряда (чаще – [а]) изменяется, переходит в гласный переднего ряда ([e]): р. пятно – ш. [п'етна]; р. пята – ш. [п'ета]; р. пятка – ш. [п'етка].

Наиболее сильно данный процесс проявляется, когда гласный находится между двумя мягкими согласными. По мнению М. Д. Имайкиной, эта позиция для гласных наиболее слабая [5, 100]. Ср.: р. пряник – ш. [пр'ен'ка]; р. хозяин – ш. [хоз'ейин]; р. хозяйка – ш. [коз'ейка] «жена».

Следует сказать, что в собственных словах шокшанского диалекта явление аккомодации широко распространено: э. *атясь* – ш. *атесь* «дед», э. *ладязь* – ш. *ладезь* «поставленный».

Таким образом, проведенный фонетический анализ русских заимствований показал, что большинство из них оформляется по законам звуковой организации шокшанской речи, с учетом особенностей диалекта. Другая часть русских слов приближается к орфоэпическим нормам русского языка. Они вошли в словарный состав шокшанского диалекта без всякого изменения с сохранением того звукового облика, который не противоречит его звуковому строю: *школа*, *почта*, *парта*, *пар*, *баня*, *шаль*, *юбка* и др. Кроме того, одновременно могут употребляться два слова, заимствования с фонетическими изменениями и без них, например: *бочка* и *боцька*, *фамилия* и *хамилия* (последнее малоупотребительно, встречается в речи старшего поколения), *чепка* и *щепка*.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- др.р.* – древнерусское;
- р.* – русское;
- с.в.р.* – северновеликорусское;
- ср.* – сравни;
- стар.* – старое;
- ц.слав.* – церковнославянское;
- ш.* – шокшанское;
- э.* – эрзянское.

Поступила 17.12.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. Бубрих, Д. В. К вопросу о русско-мордовских языковых соприкосновениях // Бюллетень ЛОЙКФУН. – 1928. – № 1.
2. Бубрих, Д. В. Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточным славянством // Записки МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1947. – № 7. – С. 3–10.
3. Ермушкин, Г. И. Фонетика русских заимствований в эрзя-мордовском говоре с. Кельдюшево Лукояновского района Горьковской области // Очерки мордовских диалектов. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1966. – Т. 4. – С. 330–344.
4. Ермушкин, Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам / Г. И. Ермушкин. – Москва : Наука, 1984. – 141 с.
5. Имайкина, М. Д. Неень шкань эрзянь келес. Фонетика : учебник / М. Д. Имайкина. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2008. – 316 с.
6. Исаева, Т. А. Русская речь мордвы-эрзи // Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1965. – Вып. 29. – С. 3–133.
7. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – Москва : Наука, 1974. – 484 с.
8. Поляков, О. Е. Русский язык – основной источник обогащения мордовских языков // Труды МНИИЯЛИЭ. Проблемы мордовско-русского билингвизма. – Саранск, 1985. – Вып. 81. – С. 3–14.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. ; пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. / М. Фасмер. – Москва : Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. ; пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.
11. Цыганкин, Д. В. Фонетическое и грамматическое освоение слов, заимствованных из русского языка и через русский язык (по материалам говоров эрзянского языка) // Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1962. – Вып. 23. – С. 117–196.
12. Шеянова, Т. М. Русские заимствования в мордовских языках / Т. М. Шеянова. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 1999. – 36 с.
1. Bubrikh, D. (1928) On Russian-Mordovian language contacts, Bulletin LOYKFUN, № 1.
2. Bubrikh, D. (1947) Linguistic data on the antiquity of the connections between eastern Slavs and Mordovians, Notes MNIIYALIE, № 7, Saransk, p. 3–10.
3. Ermushkin, G. (1966) Phonetics of Russian borrowing in Erzya-Mordovian subdialect of Keldyushevo village of Lukoyanov area of Gorky region, Mordovia dialects Essays, Saransk: Mordovia Press, Vol. 4, p. 330–344.
4. Ermushkin, G. (1984) Areal research in the eastern Finno-Ugric language, Moscow: Nauka.
5. Imaykina, M. (2008) Neen shkan Erzyan Keles. Phonetics: the textbook, Saransk: Mordovia University Press.
6. Isaev, T. (1965) Russian speech of Mordovians Erzya, Proceedings of MNIIYALIE, Vol. 29, Saransk: Mordovia Press, p. 3–133.
7. Basics of the Finno-Ugric linguistics (1974), Origins and development of the Finno-Ugric languages, Moscow: Nauka.
8. Polyakov, O. (1985) Russian language as the main source of enriching Mordovian languages, Proceedings of MNIIYALIE. Problems of Mordovian-Russian bilingualism, Vol. 81, Saransk, p. 3–14.
9. Fasmer, M. (1986) Dictionary of Russian language in 4 Vol., 2nd ed., Moscow: Progress, Vol. 1.
10. Fasmer, M. (1987) Dictionary of Russian language in 4 Vol., 2nd ed., Moscow: Progress, Vol. 3.
11. Tsygankin, D. (1962) Phonetic and grammatical development of words borrowed from the Russian language and by the means of the Russian language (based on Erzya dialects), Proceedings of MNIIYALIE, Vol. 23, Saransk, p. 117–196.
12. Sheyanova, T. (1999) Russian borrowings in Mordovian languages, Saransk: Mordovia University Press.